

Лев ГУДКОВ

Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам¹

*Наши комплексы — последнее,
с чем мы готовы расстаться*

М.Пумперникель

Природа ксенофобии. Ксенофобия стала настолько привычной темой в российской печати, озабоченной участившимися скандалами, связанными с убийствами или нападениями на иностранцев и мигрантов, мотивированными расовыми или этническими причинами, что вошла даже в риторику высших официальных лиц, вынужденных с характерным для нынешнего времени лицемерием твердить о недопустимости подобных явлений и своей готовности решительно бороться с эксцессами такого рода. Действительно, ксенофобия медленно поднималась на всем протяжении постсоветского времени, но особенно сильно — именно в годы путинского правления, косвенно поощряемая и поддерживаемая усилиями властей, нуждавшихся в реанимации привычных механизмов мобилизационного и закрытого общества. Благоприятными условиями для ее развития следует считать не только начало второй чеченской войны, гораздо более жестокой, пронизанной духом социального, военного и имперского реванша, характерного для нынешних политиков, чекистов и генералов-неудачников, но и всю атмосферу этого чиновничьего режима с его "укреплением государственной вертикали", борьбой с "международным терроризмом", дирижируемыми СМИ, административным произволом, притоком в структуры управления силовиков с их крайне ограниченным кругозором и рефлексами запретительной политики. Эти обстоятельства, конечно, следует учитывать при анализе динамики массовой ксенофобии в качестве катализаторов подобных процессов, но сами по себе действия властей не являются причинами ее развертывания и значимости. Ксенофобия — "нормальная" реакция модернизирующегося общества на ослабление прежних территориально-этнических, социальных и конфессиональных барьеров, ломку аскриптивных границ и социальных дистанций, интенсивные процессы социальной мобильности, перемещения населения, усиления социальной и культурной диффе-

ренциации общества. Природа этнических фобий или неприязни к мигрантам представляет собой защитную архаическую реакцию на реальные или воображаемые угрозы в ситуациях, когда у населения, по его мнению, ограничены ресурсы выживания или возможности сохранения своих позиций или интересов. Чувство опасности или тревожности усиливается не только из-за собственно наплыва мигрантов, но и недостаточности, по мнению населения, принимаемых властями мер, неуверенности, что власти в состоянии обеспечить "заботу" о "своих", общего недоверия к основным социальным институтам. Психологическая "рационализация" этой тревожности ведет к диффузной агрессии в отношении приезжих, т.е. к переносу на них причин собственных страхов. Эти смещенные на чужих проекции собственной неполноценности (приписывание им своих мотивов поведения или желаний) не подлежат осознанию, но их неявность, латентность не снижает их значимости: именно они оказываются всегда первыми "под рукой", когда требуется конкретизировать и обосновать массовые страхи. Кроме того, само выражение этих фобий предполагает акцентирование значений и ценностей "мы", выражаемых в требованиях представления населению "принадлежащих" ему прав, статуса, преимуществ и пр. В этом плане фобии играют важную роль механизмов коллективной интеграции. Ксенофобия вызвана дефицитом социальных gratификаций и представляет собой набор реакций закрытого и неуверенного в себе общества или его отдельных групп и слоев, не имеющих надежд или благоприятных перспек-

¹ В основе статьи лежат материалы исследования, проведенного в июле 2005 г. Центром этнополитических и региональных исследований совместно с Аналитическим Центром Юрия Левады по заказу Фонда "Либеральная миссия". Полностью результаты исследования будут опубликованы в кн.: Миграционная политика и будущее России: Иноэтнические мигранты / Под ред. Э.Паина, В.Мукомеля. М., 2006.

тив на улучшение своего положения, на процессы усложнения общественной системы, воздействия внешнего мира, вторжения в косную среду иерархического социума идей, институциональных, потребительских, культурных, информационных и поведенческих образцов, характерных для собственной периферии или современного западного мира.

Разложение тоталитарного общества не ведет к появлению новых идеологий, новых "демократий" и либеральных политических и правовых систем. Даже будучи провозглашенными, они оказываются нежизнеспособными, поскольку не вырастают из структуры групповых и массовых интересов и движений. Инерция прежних репрессивных институциональных структур, как показывает логика трансформации ельцинского периода в путинский режим, нейтрализует и стерилизует ранние или зародышевые формы политической демократии, делает несостоятельным всю пышную декларированную партийно-парламентскую систему. В этой ситуации вновь застывающего, стагнирующего социума начинают быть крайне важными и действенными механизмы негативной солидарности и интеграции, причем остаточные тоталитарные представления (резидуумы социальной коллективной целостности) принимают формы эклектического и рутинного национализма, сохраняющего саму возможность тотальной массовой самоидентификации. Ксенофобия, с этой точки зрения, — синдром стагнирующего общества, у которого отсутствуют авторитеты, идеальные представления и цели, надежды на будущее. Она представляет собой примитивные формы консервативной самозащиты, сопротивления модернизации, попытки сохранить принципы номенклатурной конституции социума, но уже в виде неравноправного и иерархического устройства: деления на "этнос" (как суррогата социальной структуры), или этносоциальные общности, располагающие неравными социальными, гражданскими и политическими правами.

Важнейшими элементами неприязни к мигрантам, мифологии "чужого", которые мы будем ниже рассматривать, следует считать "беспочвенность" пришлых, отсутствие у них "корней". Такое определение или, точнее, дисквалификация приезжих означает одновременно и утверждение, *легитимацию* претензий большинства на какие-то полагающиеся им привилегии, которые не должны распространяться на "неместных" (аскриптивные права на социальные позиции или занятия). Далее следуют обвинения в "торговой экспансии", "эксплуатации местного населения", занятии социальных позиций и ролей, которые (хотя местное население считает

их непрестижными) явно обеспечивают мигрантам (какой-то части из них) достижение тех благ, которые расценивались как недоступные основной массе местного населения. "Коренное население" при всей условности и исторической бессмысленности этого понятия оказывалось "неспособным" на этот успех, поскольку используемые мигрантами социальные средства и занятия были неприемлемыми для местных, так как затрагивали сложившееся за время советской власти распределение профессиональных ролей, деление работы на допустимые и престижные и недопустимые или малоуважаемые, официально долгое время считавшихся чуть ли не позорными (торговлю, ремесла, частное предпринимательство и т.п.). Тем самым противоречия получали более глубокий смысл конфликта ценностей. Реальный или мнимый успех приезжих затрагивал традиционные образы и структуры самоидентификации населения (главным образом идеализированные, мифические или ностальгические представления о самих себе как патриархально-общинных коллективах с присущим им укладам жизни, нормами морали, религии и т.п.). Особое раздражение при этом вызывало то, что "пришлые" разрушают социальные стереотипы — бывшие социальные "парии", жители отсталой периферии, занимавшие низшие социальные позиции, внезапно становились, по крайней мере, равными или такими же, что и "коренные жители". Тем самым нарушалась привычная иерархия социального и этнословного порядка, воспринимавшегося как должное, при котором бедные и ущемленное население центральных областей империи считало себя более достойными, нежели жителей колониальных окраин или подчиненных стран.

Проблема ксенофобии должна формулироваться не как задача ликвидации этнофобских настроений, а как их контроля и редукции к каким-то общественно приемлемым и административно регулируемым формам. Сведение ксенофобии к "нецивилизованности" или дикости представляется крайним упрощением и вульгаризацией проблемы, таким же, что и "рациональные" объяснения неприязни к чужим аргументам конкуренции за ресурсы, работу, страхом перед ростом преступности или распространением наркотиков, которые якобы сопровождают процессы миграции.

Часто встречаемое в публичной риторике популистов обвинение приезжих в неуважении ими обычаев и нравов, порядков местных жителей чаще всего не имеет под собой основания и представляет собой демагогическую игру на комплексах ущемленности и неполноценности

депримированных социальных групп. Кроме того, не всякие виды этнонациональных антипатий или этнофобии приводят к агрессивному поведению. Например, при весьма высокой степени латентного антиамериканизма или антизападничества практически мы не знаем случаев открытого уличного выражения ксенофобии в отношении американцев или, например, французов, японцев или канадцев, хотя в отношении иностранцев африканского или азиатского происхождения акты агрессии — будничное и распространённое явление в российских городах.

Первые общесоюзные, в том числе и общероссийские, репрезентативные исследования национальных проблем, отношения к беженцам и мигрантам показали довольно низкий уровень этнической нетерпимости и ксенофобии¹. Опросы об отношении россиян к беженцам и вынужденным мигрантам, проведенные в 1990 г., свидетельствовали об отсутствии явного негативизма в отношении приезжих. На вопрос, как бы они отнеслись к тому, чтобы беженцы селились в том месте, где живут опрошенные, сравнительно большое число ответило "положительно" — 27%, высказались, что им все равно, что эти вопросы их не задевают и не вызывают особых эмоций — 34, однако были настроены "отрицательно" 30%, прочие затруднились с ответом, будучи далекими от этих предметов (июнь 1990 г., N=1360 человек, Россия). Иначе говоря, если судить по характеру распределения этих мнений, а оно близко к делению по третям, т.е. в статистическом плане дифференциация позиций выражена слабо, эти темы еще не волновали общество, не были артикулированы на массовом уровне. Аналогичный опрос общественного мнения, проведенный несколько месяцев спустя, дал похожие результаты (с учетом разницы в формулировке вопроса и вариантов ответа на него). На вопрос: "Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы беженцы из других районов страны селились в Вашем городе, селе?" — "с одобрением" ответили 5% опрошенных, "были бы не против" — большая часть (50%), но 30% "были бы против", и затруднились с ответом 15% респондентов. Этническая принадлежность мигранта на тот момент была не проблематичной², по крайней мере, на словах: большинство (52% опрошен-

ных) говорили, что национальность в данном случае не имеет значения, хотя и тогда уже 18% считали необходимым принимать только людей той же национальности, что и сами опрошенные, т.е. преимущественно русских. Считалось, что и к тем, кто давно живет в России, хотя родом из других республик, и к тем, кто приехал сюда совсем недавно, "люди относятся одинаково" — так заявил 41%, позицию "по-разному" отметили 38% опрошенных. Еще сильна была значимость официально задаваемой нормы "советской", а не "этнической" идентичности, декларировавшей общесоюзное равенство или тождество всех народов СССР. Кроме того, поток мигрантов еще не ощущался как "наплыв": абсолютное большинство считали, что это пока отдельные люди (26%) или что "их сотни на Россию" (11%), что их "тысячи" полагали менее 9%.

Спустя два года ситуация начала меняться. Распад соцлагеря, затем — СССР усилили напряжения в структурах советской идентичности и актуализировали более примитивные структуры этнической солидарности, а вместе с ними — тематику этнической гомогенности. В ситуации усиливающегося кризиса, нестабильности, дезориентированности акцент на собственной или чужой этнической принадлежности постепенно становился рутинным выражением социальных и групповых барьеров, коллективных привилегий, прав и претензий. Потоки мигрантов после некоторого спада или приостановки в критические 1991–1992 гг., смены режимов, переворотов, усилившиеся волнами этнической дискриминации, вытеснения, размежевания, экономического кризиса, а местами — полного промышленного и хозяйственного краха, возобновились, как только в России начал обозначаться восстановительный экономический рост. В сравнении с положением в других республиках и регионах, ранее казавшихся более благополучными, чем сама срединная Россия, городская жизнь здесь стала представляться гораздо спокойнее, уровень доходов и возможности выше, чем в других местах. В Россию потянулись люди, мотивированные прежде всего экономическими интересами, проблемами выживания, безработицей, перенаселением и в меньшей степени — межнациональными конфликтами, военными действиями на Кавказе (вынужденные переселенцы, для которых в прежних местах проживания сложились невыносимые условия).

К середине 1990-х годов, когда завершилась череда разнообразных кризисов (в 1990, 1992, 1994 гг. и т.д.), период массовых потерь, когда падение жизненного уровня достигло своей нижней точки и наметился восстановительный рост, стал отчетливо обозначаться феномен ак-

¹ Основой для анализа служат данные массовых и репрезентативных общероссийских исследований, проводимых с 1989 г. Аналитическим Центром Юрия Левады. См.: Гудков Л. Динамика ксенофобии в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып. 1. С. 49-50.

² На тот момент абсолютное большинство населения страны идентифицировало себя в качестве граждан СССР, а не той республики, где они жили (кроме Прибалтики).

кумуляции приезжих в столицах, крупных и средних городах, т.е. там, где имелись условия для работы или новых форм деятельности. В сравнении с дисперсным характером проникновения мигрантов в городские социальные и хозяйственные структуры в советское время, нынешние каналы миграции, а соответственно, формы адаптации мигрантов, существенно изменились: миграционная инфильтрация в эти годы уже не шла через государственные каналы и институты. Хотя в абсолютных масштабах миграция год от года уменьшалась, но удельный вес приезжих в российских городах постоянно увеличивался, т.е. росла сама масса новоприбывших, успешно адаптировавшихся именно благодаря известной свободе рыночных отношений. На фоне довольно консервативного и малоподвижного населения, приученного к государственно-распределительной системе, а потому с трудом приспособляющегося к кризисной экономике, приезжие, заполнив вакансии в стремительно развивающейся системе обслуживания, торговле, малом и среднем бизнесе, частном строительстве, городском хозяйстве, стали видимым элементом прежде одноцветной и статичной в этническом плане социальной жизни в крупных и средних городах. Их шансы приспособиться и добиться успеха в новых условиях были такими же, что и у местного населения, но стимулы, как у эмигрантов во всех странах, — гораздо выше. У них не было надежд на социальные гарантии, на которые по-прежнему, по инерции, продолжали рассчитывать "коренные" жители (и напрасно: государство год за годом стремилось сбросить с себя социальные обязательства перед населением). В такой ситуации мигранты, вынужденные осваивать новые социальные ниши и формы занятости, стали отмеченным объектом, на который проецировались массовые негативные установки, канализировалось раздражение и фрустрация особенно дезадаптированной части населения, составлявшей в разные годы кризиса от трети до половины всего взрослого, преимущественно городского общества России.

Подчеркну, кризис массовой идентичности после развала СССР был связан в основном с дефицитом позитивных механизмов коллективной GRATIFIKACII, ценностно-символического наполнения национального самоопределения и отсутствием сильной мотивации к изменению собственного поведения, в первую очередь — экономического. Целостность коллективного (русского, российского) самосознания в это десятилетие могла поддерживаться лишь негативным образом: а) через сохранение антизападных установок; б) неприязненное отношение к бывшим

сателлитам и республикам СССР; в) через внутреннюю ксенофобию, разжигаемую враждебностью к мигрантам, прежде всего — кавказцам, или культурно и социально чужим, например, цыганам. Эти остаточные механизмы мобилизационного общества — формы негативной консолидации, изоляционизм, равно как и подогревание разнообразных комплексов национальной ущербности стимулировали рост компенсаторной ксенофобии и сопутствующего ей суррогатного традиционализма (православия, мифологизированного имперского прошлого), ностальгии по идеализируемым советским временам. Они восполнили отсутствие позитивных достижений и ценностей в настоящем.

На протяжении 1990-х годов первоначальные программные политические идеи открытости "большому миру", приоритет "общечеловеческих ценностей" стали все заметнее исчезать из языка масс-медиа, из обихода большинства политиков, из мнений масс. К большинству россиян вернулось чувство, что весь окружающий мир предвзят и недружелюбно настроен по отношению к России. До двух третей российского населения считают, что Россия должна в будущем развиваться по "своему особому пути". Те же две трети опрошенных раз за разом говорят исключительно об отрицательном влиянии западной культуры на жизнь России.

В 1993 г. около трети опрошенных были убеждены в том, что в социальных бедствиях России повинны нерусские, живущие в стране. Мнение, что люди нерусских национальностей пользуются в России чрезмерным влиянием, разделяли уже 54% респондентов (несогласных с ним был только 41%), причем существенных различий в ответах людей из разных социально-демографических категорий нет. К этому времени резко усилились как представления о засилье инородцев, так и об угрозе распродажи иностранцам национальных богатств страны, ложившиеся на традиционную почву заговоров, сговоров, тайных сил и организаций, "мафии", наконец, составляющих основу этнонациональных комплексов и фобий (элементы этих представлений в первой половине 1990-х годов обнаруживают почти 75% опрошенных). По мнению 56% респондентов, реформы и приватизация должны привести к политической и экономической зависимости России от Запада (противоположных взглядов придерживаются 44% опрошенных). Самые большие страхи и фобии этого рода фиксировались у тех, у кого, по их самооценкам, снизилось общественное и материальное положение: среди тех, кто относил раньше себя к людям, занимающим на лестнице социальных статусов среднее положение (тот, у кого

Таблица 1

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ВЕЛИКО ЛИ ЧИСЛО ПРИЕЗЖИХ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ РОССИИ И БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ, КОТОРЫЕ РАБОТАЮТ СЕЙЧАС В ТОМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1995 г.	2003 г.
Совсем нет	3	—
Невелико	0	24
Достаточно велико	28	38
Слишком велико	25	29
Затруднились ответить	14	9

"как у всех, не ниже и не выше", в этом смысле не переживал по поводу своей неудавшейся жизни), а теперь начинал его терять, 70% придерживались ксенофобских мнений, высказанных выше; у потерявших высокое положение удельный вес таких взглядов составлял 64%. Напротив, подобные взгляды не разделяли те, кто поднялся за годы, прошедшие с начала реформ, либо кого эта перспектива — угрозы с Запада или со стороны недавних мигрантов — не пугала: среди этой категории опрошенных респондентов с характерными фобиями и антипатиями было всего 19% (февраль 1994 г., N= 3961 человек).

Соразмерно усилению антизападничества (изоляциялизма) росла и внутренняя ксенофобия. К концу 1995 г. (октябрь 1995 г., N=2400 человек) уже почти половина опрошенных (47%) считали, что миграция превратилась в "большую проблему" российского общества ("не очень значительной проблемой" ее считали 26% опрошенных, а 17% вообще не думали, что эта тема заслуживает серьезного обсуждения, или отрицали само существование такой "проблемы"). Тем не менее в середине 1990-х годов, несмотря на это ощущение нарастающей "избы-

точности" приезжих, еще 22% опрошенных считали, что "власти должны помогать вновь приехавшим с устройством на новом месте" и примерно столько же (20%), что "они должны помогать им переехать в другие регионы страны", где нужнее рабочие руки и мигранты могли бы быстрее адаптироваться. К концу же первого президентского срока В.Путина мнения о том, что "приезжих стало слишком много", разделяли уже более двух третей россиян (табл. 1).

Структурные особенности ксенофобии. Примерно к весне 1997 г., т.е. через год после принудительного голосования на выборах за Б.Ельцина, вместе с острым разочарованием в прежнем лидере (и, соответственно, утратой патерналистских иллюзий, связанных с ним) стало заметным, что этнические предрассудки все в большей степени начинают постепенно принимать форму "рационализации" воображаемой угрозы приезжих для русских и необходимости этнической "самозащиты": уже 39% считали, что предоставлять право проживания нужно "только русским", а для остальных необходимо ввести ограниченный срок пребывания (всего лишь 14% полагали, что властям не следует вмешиваться в жизнь мигрантов). В дальнейшем эта потребность обоснования барьеров между "своими" и "чужими" закрепляется, хотя и не распространяется на всех нерусских: "Как Вы считаете, русские в России живут беднее, чем представители других народов, так же или богаче?" — "беднее", — думают 45% опрошенных; так же, как и прочие, примерно так же — 41%, "богаче других" — лишь 9% и затруднились ответить 5% (август 2004 г.; N=1600 человек).

Как следует из данных таблицы 2, особых поводов для ответной агрессии у большинства нет. Масштабы этнической неприязни в отношении русских слишком незначительны, чтобы считать

Таблица 2

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВРАЖДЕБНОСТЬ... (2002 и 2004 гг., N=1600 человек; 2005 г., N=1881 человек; здесь и далее максимумы ответов выделены жирным шрифтом)

Вариант ответа	Ощущение враждебности					
	к себе со стороны людей других национальностей			к людям других национальностей		
	2002 г.	2004 г.	2005 г.	2002 г.	2004 г.	2005 г.
Очень часто	2	4	3	3	4	4
Довольно часто	8	10	9	9	13	9
Редко	29	29	26	29	29	25
Никогда / практически никогда	60	56	61	59	53	60
Затруднились ответить	2	1	2	1	2	2

их собственно социальным массовым явлением. Ксенофобия, этническая агрессия, возникает в ответ на внутренние напряжения и комплексы, но затем тянет за собой проективную реакцию обоснования своей недоброжелательности в мнимых аргументах чужой неприязни и агрессии. Сравнивая два близких года (2002 г. и 2004 г.), мы замечаем, что собственная *открытая и осознаваемая* агрессия, отмечаемая самими опрошенными, распространена несколько шире и растет она чуть быстрее, чем внешняя недоброжелательность, неприязнь, вызванная грубостью и враждебностью чужих людей.

Такое положение дел осознается частью опрошенных, когда они говорят, что на поверхность выходит то, что раньше подавлялось, что раньше рассматривалось как неприличное или недопустимое поведение и выражение чувств или отношений. Так, на вопрос: "*Как Вы думаете, в России в последние годы стало больше проявлений национализма или просто в последнее время стали больше об этом говорить?*" — "стало больше националистических эксцессов и проявлений" заявили 40% опрошенных, но "больше стали говорить" — 44% (июль 2002 г., N=1600 человек). Характерно, что оба этих мнения примерно в одних и тех же пропорциях представлены в самых различных социальных группах, что в политическом плане они крайне слабо дифференцируются. А это значит, что действуют самые общие коллективные представления, объединяющие не отдельные категории населения (например, образованных столичных жителей или, напротив, бедную и непросвещенную периферию), а общество в целом. Отношение к мигрантам не является изолированным от других ценностных напряжений. Оно оказывается предметным выражением более общих факторов и состояний массового сознания, коллективной идентичности и механизмов, поддерживающих определенный уровень социальной солидарности.

При анализе подобных массовых реакций исследователь все время сталкивается с внешне весьма противоречивой картиной ксенофобии, когда при большом количестве говорящих о необходимости введения разного рода запретов и ограничений, применения к мигрантом репрессий и т.п. реально фиксируется лишь сравнительно небольшое число тех, кто говорит о своем внутреннем чувстве незащищенности или тревожности в связи с продолжающейся миграцией в Россию. Во всяком случае, эти два массива неравны друг другу, хотя и сопоставимы. На вопрос (июнь 2003 г., N=1600 человек): "*Как Вы думаете, представляют ли сейчас угрозу безопасности России люди нерусских национальностей, проживающие в*

России, мигранты из других стран?" — "только" 18% опрошенных сочли, что над российским населением нависла "большая угроза" (другие, а это 28% опрошенных, характеризовали ее в категориях неопределенности — "некоторая угроза"). Иначе говоря, разделяли такие опасения 46%, хотя большинство (52%) отвечали, что либо тут никакой особенной проблемы нет, либо она не настолько значительная, чтобы говорить об этом в категориях "угрозы", "опасности", т.е. причин для особой тревоги нет. То же самое показали замеры год спустя: полностью согласных с этим суждением было лишь 16% (а вместе с теми, кто ответил "скорее да", разделяющих подобные мнения оказалось 42%, в 2005 г. — 37%); не согласны — 52% (в 2005 г. — 57%). Утвердительно ответили в 2004 и 2005 гг. соответственно 47 и 45% опрошенных, отрицательно — 44 и 46%¹ (табл. 3). Эти данные свидетельствуют о том, что речь не идет о реактивных настроениях, психологических состояниях, возникающих в ответ на какие-либо внешние воздействия или события, что это гораздо более устойчивые комплексы массовых представлений, играющие важнейшую роль в поддержании баланса образов "себя" и "других" в структурах самоидентификации.

В июле 2003 г. (N=2100 человек) упрощенный порядок высылки незаконных мигрантов из страны одобрили бы уже 78% (были бы против — 8%, прочие затруднились с ответом)². За три года мнения о необходимости ограничивать приток приезжих стали более распространенными и определенными (число затруднившихся с ответом на этот вопрос заметно сократилось, табл. 4).

Чем сильнее было сомнение в устойчивости социального порядка, недоверие к институциональной системе, неспособной обеспечить известную упорядоченность жизни и предсказуемость поведения основных акторов (государства, рубля, работодателей, банков и других финансовых

¹ Ср.: "Согласны ли Вы с мнением, что необходимо ограничить влияние евреев в органах власти, политике, бизнесе, юридической сфере, системе образования и шоу-бизнесе?" — 49% опрошенных дали утвердительный ответ (2004 г., август; N=1600 человек), не согласны — 41%, остальные затруднились ответить.

² Московский опрос 2000 г. (N=1000 человек). На вопрос: "Какую политику, на ваш взгляд, должны проводить московские власти в отношении беженцев из Таджикистана, Северного Кавказа, Приднестровья и т.п.?", — относительно большинство (43%) ответили: "постараться выдворить из Москвы"; 26% — "поставить под строгий учет, постоянно контролировать" и лишь менее 25% давали не репрессивные ответы ("помогать им адаптироваться к жизни в Москве", "помочь влиться в жизнь города" — 10%, "вести диалог с этими людьми, учитывать их интересы в городской политике" — 13%), 1% — "не обращать на них внимания" и 8% затруднились ответить.

Таблица 3

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ КОМПЛЕКСОВ УЩЕМЛЕННОСТИ (в % от числа опрошенных, август 2004 г., N=1600 человек; август 2005 г., N=1881 человек)

Согласны ли Вы с мнением, что...	2004 г.	2005 г.
...во многих бедах России виновны люди "нерусских" национальностей? *		
Определенно да	16	13
Скорее да	26	24
Скорее нет	37	32
Определенно нет	15	25
Затруднились ответить	6	6
...национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране?		
Определенно да	16	14
Скорее да	31	31
Скорее нет	34	30
Определенно нет	10	16
Затруднились ответить	8	9
...русские в России живут намного богаче, чем представители других народов?		
Намного богаче	2	1
Несколько богаче	7	7
Не богаче, не беднее, так же, как другие	41	41
Несколько беднее	26	25
Намного беднее	19	21
Затруднились ответить	5	5

* Ср. с распределением ответов на этот вопрос в 1993 г.: в сумме доля утвердительных ответов тогда составляла 54%, отрицательных — 41%. Иначе говоря, имеет место медленное снижение значимости этого комплекса.

Таблица 4

КАКОЙ ПОЛИТИКИ ДОЛЖНО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ПРИЕЗЖИХ?

(в % от числа опрошенных, 2002 и 2004 гг., N=1600 человек; 2005 г., N= 1881 человек)

Вариант ответа	2002 г.	2004 г.	2005 г.
	Июль	Август	Август
Пытаться ограничить приток приезжих	45	54	59
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	44	38	36
Затруднились ответить	11	7	5

институтов, органов социального обеспечения, милиции), гарантировать минимально приемлемый уровень существования людей, тем ощутимее было массовое стремление к простейшим формам защиты и психологической компенсации, тем выше уровень диффузной и неартикулируемой ксенофобии. Прежде всего это выражалось в запросах на восстановление жесткого характера управления, проведение строгой нормативно-запретительной политики, установления системы барьеров и предписаний, которые вводили бы массовое поведение в четкие рамки

официальных и полицейских предписаний. Те же факторы, которые вызвали рост ксенофобии, предопределяли и массовые ожидания сильного лидера, "способного навести в стране порядок". Другими словами, общая композиция массового сознания строится на оппозиции "власть—объекты страхов", напряжения, порождаемые неудовлетворенностью действиями властей, и зависимость от них. (В этом смысле приход В.Путина лишь подтвердил общую готовность к восстановлению авторитарного режима и соответствовал общей тенденции к за-

претительству как единственному механизму поддержания стабильности.)

Эта "редукция сложности" со всей очевидностью проступает в ответах респондентов на вопрос, что респонденты считают "недопустимым в публичной жизни" и что должно быть запрещено в нынешних условиях (в % от числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа, жирным курсивом выделены существенные для нашего анализа пункты, октябрь 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Мат в публичных местах	70
Продажу недвижимости (жилья, предприятий, магазинов и пр.) нерусским в русских городах и селах	52
Рекламу на телевидении, в газетах, на улицах	44
Право приобретения частными лицами государственной собственности	43
Чуждые нашим традициям явления массовой культуры (музыку, фильмы и пр.)	40
Присутствие на улицах нищих и попрошайек	40
Право поселения инородцев и иноверцев в наших городах, селах, районах	34
Все партии, кроме двух-трех основных и самых крупных	28
Свободное перемещение иностранцев по территории России	24
Использование иностранных слов на телевидении, радио, газетах, в выступлениях политиков	23
Продажу недвижимости кому бы то ни было	21
Критику президента В.Путина	19
Свободную продажу американских долларов и другой валюты	17
Критику деятельности Православной церкви	14
Деятельность, оппозиционную власти	12
Другое	10
Ничего из этого не надо запрещать	16

Казалось бы, что общего между недовольством рекламой, нищими на улицах, отношением к инородцам, рессантиментными переживаниями, связанными с появлением "новых русских" и пр.? Но все они увязываются на определенных нормативных ожиданиях репрессивных действий властей. Фобии нового, изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию и потребность в защитно-запретительных барьерах против групп, маркируемых в качестве симптомов или носителей этих изменений. Раздражение и беспокойство, вызванные неопределенностью ситуации, ожидаемыми опасностями или угрозами (понижения жизненного уровня, чувства незащищенности или утраты привилегированности своего социального положения,

предсказуемости и т.п.), выливается на "чужих", не будучи связанными с другими планами существования, например, с соображениями о коллективной пользе или социальных благах, общепринятых добродетелях в виде терпимости, благожелательности, готовности помочь, чем так кичатся сами русские, говоря о своем национальном характере. Ксенофобические установки не допускают рационализации собственных аргументов, ценность неприязненного отношения (функциональная значимость утверждения о том, что другие "плохи", мерзки, "грязны" и преступны, что они "хуже нас") оказывается для индивида или множества индивидов гораздо более важной, нежели возможная общая польза и выгоды от сотрудничества с этими чужими. Два эти пересекующихся плана представлений обеспечивают иррационализм и самодостаточность ценностей самоутверждения и поддержания этнической идентичности. Сама по себе такая конструкция блокирует возможности рационализации подобных установок. Разного рода преимущества, связанные с миграцией, — оживление торговли, сервиса, улучшение работы городского хозяйства, рост строительства и т.п., — атомизированное сознание "советского человека" не воспринимает, поскольку они: а) не связаны с властью и не подкреплены разного рода государственными символическими маркировками и идеологическими знаками (пользы, интересов, необходимости и пр.); б) предназначены исключительно для удовлетворения частных интересов и нужд, в первую очередь круга обеспеченных людей, что тянет за собой фоновые рессантиментные переживания и раздражения.

Динамика отношения (табл. 5) к приезжим за рассматриваемые восемь лет в общем и целом незначительна, колебания почти не выходят за пределы допустимой статистической погрешности. Наиболее терпимо к приезжим относятся предприниматели, наиболее негативно — милиция и военные, рабочие и пенсионеры, хотя (и это важно) различия между группами опрошенных в целом крайне незначительны, что свидетельствует о слабости или отсутствии каких-то сил, способных влиять на общество в этическом или гуманистическом плане. Сильнее всего негативизм вызывает сам факт адаптации приезжих, их успех, вписывание в рутинную жизнь российских городов. Максимум возмущений фиксируется именно в тех группах, которые *непосредственно не конкурируют* или не сталкиваются с чужими. Военных и милицию больше всех "заботит", что приезжие "отнимают рабочие места" у местных работников, пенсионеров — они "торгуют" и *наживаются* на местном населении, руководителей и домохозяек — они развращают и

Таблица 5

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТО НА СТРОЙКАХ РОССИИ ВСЕ ЧАЩЕ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ РАБОЧИХ ИЗ УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЫ, ДРУГИХ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ? (в % от числа опрошенных в каждом году)

Вариант ответа	1997 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
	Май	Декабрь	Январь	Ноябрь	Декабрь	Декабрь	Август	Август
"Определенно положительно" и "скорее положительно"	25	29	27	28	22	22	21	22
Нейтрально	34	33	32	39	44	42	39	42
"Скорее отрицательно" и "определенно отрицательно"	33	34	38	30	31	32	38	35
Затруднились ответить	8	5	3	3	3	5	2	1

Таблица 6

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ЛИЧНО ИСПЫТЫВАЕТЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЫХОДЦАМ ИЗ ЮЖНЫХ РЕСПУБЛИК, ПРОЖИВАЮЩИХ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ? (в % от числа опрошенных; сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа)

Вариант ответа	В среднем	Социальный статус		
		Высокий	Средний	Низкий
Уважение	6	6	6	6
Симпатию	4	4	4	4
Раздражение	25	31	26	22
Неприязнь	27	27	29	24
Страх	6	3	6	7
Никаких особых чувств	44	42	43	46
Сумма позитивных	10	10	10	10
Сумма негативных	58	61	61	53
Отношение позитивных к негативным	0,17	0,16	0,16	0,19

подкупают милицию, безработных — "их очень много везде", учащихся — они просто им не нравятся, так как они "наглы" и т.п. Но важнейшие мотивы: они пользуются тем, что по праву должно принадлежать только местным — открыто не могут называться основной массой, а потому эти представления принимают негативную форму предубеждений и предрассудков: "они вытесняют коренное население с насиженных мест", "они — чужие". На приезжих проецируется внутренняя агрессия, которая "рационально" обосновывается чужими, заимствованными из языка официоза или других социальных групп аргументами¹.

Эти заключения подтверждают выводы чуть более раннего общероссийского репрезентативного опроса об отношении к приезжим. Возьмем лишь одну характеристику массива опрошенных — их социальное положение (к "какому слою" они

сами себя относят; октябрь 2002 г.; без затруднившихся с ответом, табл. 6).

Как видим, самой устойчивой составляющей массовых установок населения к приезжим является равнодушие и отстраненность. Очень небольшая часть опрошенных (10%) воспринимают приезжих дружелюбно, но несравненно большая доля (более половины всех опрошенных) настроены явно негативно. Различия в антипатиях по группам несущественны и связаны лишь с характером групповых норм выражения неприязни, т.е. с различными способностями артикулировать или вербализовать свои чувства и предпочтения. У людей, занимающих в обществе разное положение, меняется не установка, а лишь модальность выражения ксенофобии. У тех, кто занимает более высокий статус и, соответственно, располагает большими социальными ресурсами, этнофобия несколько чаще выражается как "раздражение", у низкостатусных и малоимущих — в "страхе", соответственно — в требованиях гарантий от власти и склонности к более жестким запретительно-охранительным мерам. Можно сказать, что "неприязнь" к чужим у средних слоев (основной

¹ Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Партикуляризм и вытеснение прошлого // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1 (67). С. 41–44.

части населения) переходит в "страх" у низших и "раздражение" у высших, в какой-то степени соблюдающих рамки приличия и сдержанности. Более обеспеченных отличает склонность к рационализации репрессивных действий исполнительных властей по ограждению основного населения от мигрантов.

Запретительный синдром массового сознания. Охранительно-запретительные установки распространены в российском обществе довольно значительно. Всего лишь чуть больше трети опрошенных россиян (ноябрь 2002 г., N=1600 человек) полагают, что никому не следует запрещать заниматься бизнесом на территории России (35%) или добавляют вполне разумно: "Кроме тех, кто находится на госслужбе или на выборных должностях" (36%). Однако часть населения настаивает на подобных запретах: 14% считали, что нужно запретить предпринимательство для кавказцев, еще 10% — заниматься бизнесом китайцам, вьетнамцам, корейцам и другим приезжим из стран Азии, еще столько же — "всем негражданам" России. Кроме того, незначительное число респондентов требовали запретить или ограничить предпринимательскую деятельность всем мусульманам (4%), евреям (3%) и "гражданам западных стран" (около 3%).

Примерно такие же установки характеризуют отношение россиян к доступу на государственную службу. 27% опрошенных считают, что никому не следует чинить каких-либо препон, если человек идет работать в госаппарат ("кроме лиц, имеющих судимость", добавляют 45%). Вместе с тем требуют ввести запрет на прием на госслужбу "лицам кавказской национальности" — 15%, мусульманам — 10, евреям — 8, бизнесменам — 6, всем неправославным — 5%. Таким образом, почти половина опрошенных россиян (45%) считают необходимым ввести барьеры в доступе к позициям управления или власти для социально "чужих" или инородцев.

Но следует подчеркнуть, что эти различия проявляются только при общей постановке вопроса в интервью. Если же попытаться актуализировать или конкретизировать вопросы, сделав их более ситуативно-определенными, понятными основной массе населения, то параметры ксенофобии заметно изменятся, различия практически исчезнут или, по меньшей мере, станут не столь значительными, а общая масса запретительных мнений заметно увеличится (табл. 7 и 8).

Обращает на себя внимание сравнительно небольшая доля людей, выступающих против репрессивной политики. Это значит, что ксенофобические настроения не являются специфической

Таблица 7
ВЫ БЫ ОДОБРИЛИ ИЛИ НЕТ ПРИНЯТИЕ СЛЕДУЮЩИХ МЕР.? (в % от числа опрошенных, октябрь 2002 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	В среднем	Социальный статус		
		высокий	средний	низкий
Предоставление русским преимущественных прав при назначении на ответственные должности				
Да	59	54	59	61
Нет	23	31	23	18
Затруднились ответить	18	15	18	21
Ограничить возможности переезда представителей нерусских народностей на жительство на территорию России				
Да	66	62	67	66
Нет	22	26	23	19
Затруднились ответить	12	12	11	15
Упростить процедуры высылки незаконных мигрантов в их страны				
Да	78	84	79	73
Нет	8	7	9	7
Затруднились ответить	14	9	12	19
Упростить процедуры для переезда русских из республик бывшего СССР				
Да	82	86	83	80
Нет	8	8	9	6
Затруднились ответить	0	6	8	14
Запретить пребывание на территории Вашего города (района) приезжих с Кавказа				
Да	58	52	58	60
Нет	22	28	22	19
Затруднились ответить	20	20	20	21

Таблица 8
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ОГРАНИЧИТЬ ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ.? (в % от числа опрошенных; 2004 г., N=1600 человек; 2005 г., N=1881 человек; ответы ранжированы)

Вариант ответа	2004 г.	2005 г.
Выходцев с Кавказа	46	50
Китайцев	39	46
Вьетнамцев	39	42
Цыган	32	30
Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР	31	31
Евреев	15	18
Все нации, кроме русской	14	11
Украинцев	8	8
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	21	20
Затруднились ответить	5	5

реакцией на увеличение массы мигрантов и тем более реакцией на те или иные их действия. Ксенофобия усиливается или спадает, будучи обусловленной преимущественно внутренними причинами и состоянием национальной консолидации, степенью интегрированности общества. И действительно, если мы сопоставим список тех вопросов, которые реально беспокоят респондентов, их встревоженность тем, что происходит в стране, с тематикой миграции, соотнесем остроту "засилья приезжих" с другими проблемами российского общества, то окажется, что раздражение и озабоченность, вызванные угрозой, исходящей от мигрантов, намного (на порядок) уступает повседневным заботам людей¹.

Попытки предложить россиянам обосновать свою позицию в отношении миграции, объяснить причины антипатии и враждебности к приезжим особого успеха не имеют, как показывают результаты самых последних исследований (июль 2005 г., N=2107 человек): это не какое-то нежелание отвечать на ненужные вопросы социологов, а принципиальная невозможность их объяснения. Безусловность этой антипатии, как и любого другого ценностного утверждения, задана "функциональностью" этой иррациональности: коллективное чувство единства "мы", не основанное на каких-либо достижениях и успехах, не может поддерживаться какими-либо аргументами и, стало быть, защищено от сомнений и критики. Большинство опрошенных нагло закрываются от самой мысли о целесообразности или естественности притока мигрантов в Россию, настаивая, вопреки очевидности, на том, что Россия не нуждается в услугах каких-либо приезжих (так считают 43%), если добавить к этому четверть опрошенных — 24%, которые уходят от ответа, ибо им трудно изложить свои взгляды, потому что их невозможно объяснить на уровне здравого смысла, то в сумме мы получим основной массив нефокусированной, диффузной

¹ В списке 25 самых важных проблем российского общества (2005 г.) "наплыв мигрантов в Россию" занимает лишь 16-17 места (примерно то же, что и военные действия в Чечне — эти проблемы назвали всего 7% опрошенных). Первые же десять позиций из этого списка представляют следующий перечень тревог и беспокойств: рост цен (71%), бедность, обнищание большинства населения (53), рост безработицы (39), кризис в экономике, спад производства (33), рост преступности (29), недоступность многих видов медицинского обслуживания (29), рост наркомании (29), рост платности образования, недоступность образования (27), резкое расслоение общества на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов (27), коррупция (24). Меньше, чем "засильем приезжих", россияне озабочены лишь "ухудшением межнациональных отношений, ростом национализма" (4%), т.е. тем, что характеризует их собственное моральное состояние.

неприязни (порядка двух третей всего населения). 67% опрошенных считают, что хотя основная часть мигрантов заняты на тяжелых и низкооплачиваемых работах, на которые не идут местные жители, их город или район вполне могут обойтись без приезжих. Противоположной точки зрения придерживаются лишь 15%, как правило, это люди более компетентные и образованные, связанные непосредственно с практическими вопросами управления или производством, экономикой: среди руководителей этот вариант ответа выбирают 33%, среди людей с высшим образованием — 27%, т.е. вдвое чаще среднего. При этом примерно 43–47%, т.е. устойчивая масса носителей антипатии, категорически возражают против любого присутствия мигрантов в России.

Всего 8% респондентов заявили, что Россия нуждается в мигрантах *любого рода* — и тех, которые приезжают на временную работу, на заработки, но затем уезжают, и тех, кто остается здесь навсегда. Еще четверть россиян готовы допустить мигрантов в страну, но только на определенных условиях: 15% — только тех, кто приезжает временно, на заработки, но не остается, и 10%, напротив, — только тех, кто готов стать гражданином России, ассимилироваться и слиться с ее основным населением. Последний вариант можно рассматривать как чисто демагогическое утверждение символических барьеров между Россией и приезжими, поскольку те же респонденты сохраняют всю полноту неприязни к выходцам или приезжим с Северного Кавказа (дагестанцам, кабардинцам и др.), никогда не терявшим своего российского гражданства.

Среди респондентов, более компетентных и информированных, относящих себя к статусно более высоким группам, чье положение более стабильно и устойчиво, ксенофобия выступает в несколько ослабленной форме: здесь заметно больше тех респондентов, которые считают необходимым привлекать мигрантов в Россию и тем более не строить им дополнительных препон. Так, среди директоров и руководителей организаций доля тех, кто высказывается категорически против любого присутствия мигрантов в России, несколько ниже, число затрудняющихся с ответом вдвое ниже среднего и, напротив, в 1,5 раза больше тех, кто считает, что Россия нуждается в приезжих, а доля готовых допустить мигрантов в качестве временных гастарбайтеров более чем в два раза выше среднего (33 и 15% соответственно), среди специалистов этот показатель ниже — 22%.

Готовность выставить разного рода барьеры и ограничения для мигрантов имеет всеобщий характер. Это доминирующее в российском обще-

Таблица 9

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТОБЫ МИГРАНТЫ... (в % от числа опрошенных; июль 2005 г., N=2107 человек)

Вариант ответа	"Положительно" и "безразлично"	"Отрицательно"
Приобретали в собственность...		
Квартиры, дома	31	58
Кафе, магазины, автосервис и другие мелкие предприятия	24	64
Участки земли	24	65
Крупные предприятия	15	74
Работали по найму...		
В частном бизнесе	36	53
В бюджетной сфере (медицина, образование, социальная работа и т.п.)	27	62
На государственной или муниципальной службе	20	69
В правоохранительных органах	16	74

стве мнение, оно задает тон и предопределяет отношение к приезжим в самых разных планах существования (табл. 9).

Негативизм и запретительные рефлексии усиливаются по мере возрастания социальной ценности позиции или величины собственности, могущих стать доступной для "чужих", но представляющихся слишком значимыми символическими благами для коренного населения, знаком престижа или авторитета. Интересно, что власть (в виде обладания аппаратом принуждения или распоряжения репрессивными средствами) эквивалентна значениям "владению крупной собственностью" — и там, и там запреты на доступ к этим позициям одинаково сильны (74%), причем максимумы этого негативизма (правда, превышения очень небольшие, незначительно поднимающиеся над средним уровнем — всего на 2–4 пп., т.е. чуть больше допустимых статистических колебаний) приходятся во всех смыслах на "средних людей" — носителей норм этого общества — людей со средним образованием, среднего возраста или несколько старше (40–55 лет), квалифицированных рабочих, домохозяек и специалистов, среди которых преобладающее большинство — женщины.

Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело не столько с реальной конкуренцией за ресурсы или за распределяемые властями материальные или социальные блага, гарантии, работу и т.п., сколько за символические ресурсы и статусы, что, конечно, не делает проблему более легкой, но позволяет искать адекватные средства для ее решения.

"Россия — для русских!". Сама недифференцированность, аморфная общность фобий, ох-

ранительно-запретительный характер массовых установок в социологическом плане свидетельствует об отсутствии авторитетных моральных, культурных или социальных инстанций, которые могли бы блокировать развитие негативных социальных настроений или снять массовые страхи, или диффузные напряжения, успокоить людей, направлять возникающие раздражения, указав им позитивные цели или объекты достижения или самоутверждения, т.е. обозначить ориентиры социального действия и нормы отношений с малоизвестными "другими".

Именно в конце 1990-х — начале 2000-х годов мы фиксируем в ходе различных исследований, что в коллективном сознании заметно укрепилось ощущение национальной исключительности, мифология "особого пути", шовинистические установки в отношении любых "чужаков", мигрантов, приезжих и истероидная (на фоне возобновившихся терактов на территории России) поддержка нового политического лидера, завоевавшего симпатии населения риторикой "решительных действий". Появление подобной фигуры обеспечило массовому сознанию объект психологического трансферта: на него стали не просто возлагать чрезмерные надежды (перенесены соответствующие упования с Б.Ельцина, дискредитировавшего себя в глазах общества), но он разгрузил от ответственности за себя дезориентированную и фрустрированную массу, став безальтернативным ее спасителем.

Одновременно усилилась привлекательность нацистского лозунга "Россия — для русских!". Если в середине 1990-х годов не более 10–15% населения считали, что подобный лозунг мог бы стать основой для консолидации страны, то в 1998 г. этот лозунг поддерживали уже 43%, а в

Таблица 10

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ "РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ!"? (в % от числа опрошенных; N=1600 человек)

Вариант ответа	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Поддерживаю, давно пора ее осуществить	15	13	15	16	16	16	16	19
Ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах	31	30	34	42	38	37	38	39
Отрицательно, это настоящий фашизм	32	30	27	20	26	24	25	23
Меня это не интересует	10	14	12	11	9	11	12	9
Не задумывались над этим	7	7	6	6	8	7	5	7
Затруднились ответить	5	6	6	5	3	5	4	3
Сумма одобряющих	46	43	49	58	54	53	54	55
Отношение одобряющих к осуждающим	1,4	1,4	1,8	2,9	2,1	2,2	2,2	2,5

Таблица 11

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ "РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ!"? (в % от числа опрошенных; октябрь 2002 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	В среднем	Социальный статус		
		высокий	средний	низкий
Поддерживаю, давно пора ее осуществить	21	15	23	22
Ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах	32	39	33	27
Отрицательно, это настоящий фашизм	18	28	17	14
Меня это не интересует	7	3	6	12
Не задумывался об этом	14	8	15	15
Отношение одобряющих к осуждающим	2,9	1,9	3,3	3,5
Затруднились ответить	20	20	20	21

2001 г. — свыше 58% российского населения. Причем быстрее усиливалась выражено шовинистическая его составляющая ("давно пора!"), характерная главным образом для низов и социальной середины (с 1999 по 2005 г. — в полтора раза); более уважаемая и "умеренная" его форма также усиливалась, хотя и не так существенно (на 9 пп., или почти на треть, табл. 10).

Массив разделяющих эти лозунги медленно увеличивался с приходом к власти В.Путина, началом новой чеченской войны, общим заметным поворотом к русскому традиционализму. Одновременно уменьшалось сопротивление русскому национал-изоляционизму и шовинизму (на те же 9 пп. — с 32 до 23%). "Перетекание" мнений шло от "не задумывающихся" к тем, кто разделяет эти идеи, но в сравнительно умеренном виде, а часть этих "умеренных" сменила их на более радикально-агрессивные формы выражения своих взглядов (табл. 11).

Хотя более агрессивные формы чаще проявляют именно низы и средние слои (22 и 23%), но общий вес ксенофобии и изоляционизма больше в группах, занимающих статусно высокие и средние позиции (у относящих себя к "высоким" стратам — 54%, средних — 56, у низких — 47%),

главным образом за счет использования более умеренных, уважаемых и "рациональных" форм выражения по сути ксенофобских и расистских взглядов. Правда, у высокостатусных респондентов гораздо выше и неприятие этого лозунга, другими словами, в среде людей, занимающих высокие социальные позиции, идеологические установки имеют более дифференцированный вид: в этих подгруппах одновременно сильнее выражены прямо противоположные точки зрения (доля тех, кто полагает, что "подобный лозунг — настоящий фашизм" составляет 28%, что вдвое больше, чем у низовых слоев и групп, вообще-то не имеющих особой потребности в подобном идеологическом самовыражении). Доля индифферентных ("меня это не интересует") к этим вопросам у относящих себя к людям, находящимся на высоких социальных позициях" в сумме составляет 31%, на средних ступенях социальной лестницы — 41%, на нижних — 48%.

Разберем эти моменты более подробно, введя для анализа и объяснения этих общих манифестаций более развернутую шкалу значений самого лозунга, т.е. переведя его в систему политических действий и административных мероприятий (табл. 12).

Таблица 12

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ИДЕЯ "РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ!"?

(в % от числа опрошенных; без затруднившихся ответить, июнь 2005 г., N=1600 человек)

1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.
2. Административный контроль за действия нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.
3. Ограничения в проживании нерусских в городах на территории России.
4. Выселение нерусских (кавказцев, китайцев и др.) с исконных русских территорий.
5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, Государственной Думе, Совете Федерации, администрации президента, руководстве.
6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Вариант ответа	1	2	3	4	5	6
В среднем	47	37	31	31	25	21
Возраст:						
18–24 года	48	37	36	35	24	27
25–39 лет	50	45	30	26	26	23
40–54 года	49	35	31	34	25	20
55 лет и старше	41	32	31	30	25	18
Образование:						
высшее	55	39	27	24	23	26
среднее	48	39	31	31	26	21
ниже среднего	39	33	34	34	25	19
Место жительства:						
Москва	41	52	32	36	25	17
большой город	39	35	31	29	22	27
средний город	55	39	33	29	29	23
малый город	49	37	26	33	27	17
село	46	34	33	29	24	19
Семейный доход:						
высокий	50	42	28	31	26	20
средневысокий	52	41	34	27	26	21
средненизкий	45	32	36	38	26	18
низкий	38	30	24	29	21	15
Потребительский статус семьи:						
"Можем позволить себе дорогие вещи"	57	53	14	30	6	26
"Доступны ТДП, но дорогие вещи (дача, машина) затруднительны"	41	39	36	36	18	22
"Денег хватает на продукты и одежду, но ТДП труднодоступны"	50	42	27	28	25	20
"На еду денег хватает, но одежда вызывает финансовые затруднения"	47	34	35	32	27	22
"Денег не хватает даже на еду"	43	30	30	29	29	22

Почти половина опрошенных, разделяющих лозунг "Россия — для русских!", понимают под этим в первую очередь необходимость проведения активной национально-культурной политики государства, направленной на финансовую и организационную поддержку учреждений и коллективов, занимающихся "русской тематикой". Что реально должна означать подобная имитация традиционной культуры, сказать очень трудно. Если судить по рейтингам передач

на телевидении, то имеющие "фольклорно-плясовой" колорит не пользуются особой популярностью. Но сам этот нео- или псевдотрадиционализм (в самом широком плане — от реставрированного или "изобретенного", если вспомнить выражение Э.Хобсбаума, фольклора до имперской идеологии) оказывается в функциональном плане чрезвычайно затребованы и властью, и с готовностью поддерживающим ее обществом, по крайней мере, той его половиной, которая

одобряет этот лозунг. За "поддержку русской культуры" выступают в первую очередь образованные россияне, жители средних и малых городов, сел (провинция как таковая), люди с более высоким уровнем дохода, национально ангажированные, т.е. избиратели практически всех партий.

Примерно эти же категории опрошенных склоняются к необходимости этнократической кадровой политики, требуя для таких, как они, введения различного рода дополнительных привилегий и преференций, преимуществ при занятии государственных постов, ключевых должностей, при приеме детей в вузы и пр. Эти же группы настаивают на установлении режима этнического или расового апартеида (в сравнительно мягком его варианте), который бы облегчил им конкуренцию со стороны других этнонациональных групп. По существу, эти требования, а их выдвигают более трети россиян (37%), представляют собой возвращение к дискриминационной "национальной" практике сталинских и брежневских времен, что повторяет общую ностальгию по советской власти, по золотому веку брежневского застоя.

За ужесточение административного контроля над "нерусскими" или применение к ним самых суровых мер (ограничение проживания, выселение, высылка и т.п.) выступают главным образом социально-депремированные группы — низкообразованные, малоимущие или люди со средним достатком, но с нестабильным социальным положением, неуверенные в себе и своем будущем, социальная периферия, избиратели КПРФ, ЛДПР, а также ущемленные жители Москвы, относящиеся к малоконкурентоспособным категориям населения, "средние люди", аполитичные или, напротив, голосующие как "все" — за "Единую Россию". Молодые, люмпенизированные, не самые образованные склонны настаивать на жестких силовых мерах, требовать от властей репрессивных действий по отношению к нерусским: не просто установления каких-то ограничений, но и прямого выселения кавказцев, китайцев, вьетнамцев и др.

Таким образом, мы имеем дело с двумя основными типами консервативной защиты слабой этнической общности, апеллирующей к государственной власти для проведения охранительной национальной политики. *Первый тип*, который можно назвать условно "мягкой" реакцией на миграцию, представляет собой скорее *поощрение* определенной политики поддержки культуры русских и предоставления привилегий для русских в доступе к образованию, карьере, занятию ключевых позиций в бизнесе, органах правопо-

рядка и армии, государственном управлении и т.п. Он предполагает сравнительно слабые формы административного контроля за чужими. Этот вариант этнократической или этнонеоклассической политики хорошо известен как в некоторых регионах России (бывших национальных автономиях), так и за рубежом. В общем и целом ее выдвигают ресурсообеспеченные группы, которые стремятся закрепить свое особое преимущественное положение и в дальнейшем. *Второй*, более жесткий тип, который можно назвать "*изоляционистским*", предполагает предпочтение репрессивной политики по отношению к этническим чужакам или мигрантам, запреты для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, парламенте, администрации президента, короче, закрытию для них доступа к ключевым социальным и политическим позициям в российском обществе, более того, сюда входит и ограничение районов проживания или даже выселение приезжих с территорий, где проживает большинство русских, установление административного надзора за нерусскими в целом или, по крайней мере, теми группами, которые, по мнению надзирающих, отличаются "враждебностью в отношении русских", их ценностей и символов. Подобные установки характерны чаще для бедных в ресурсном плане групп (малоимущих, низкостатусных, пожилых респондентов и провинциалов, не имеющих других средств выживания в плюралистических или конкурентных условиях, кроме как символического уничтожения конкурентов).

Перекрестный анализ ответов позволяет увидеть, какие мнения респондентов группируются в определенные комплексы представлений (табл. 13).

Четких границ между различными вариантами политики "Россия — для русских!" нет, поскольку даже половина тех, кто придерживается как будто бы культурно-поощрительной политики, готовы разделять жесткие требования административного воздействия на мигрантов, и наоборот.

Параметры социальной дистанции. Итак, причины ксенофобии лежат в глубокой потребности в изоляционизме, утверждении расово-племенных ограничений, возведении барьеров между "нашими" и "чужими", усиливающимися всякий раз после кризиса институциональной системы. Для ущемленного сознания возникает устойчивая потребность в полагании кого-то, кому жить должно быть хуже, чем самому субъекту данного мнения. Отсюда и "этологическое" требование агрессивного преследования этих стоящих ниже по рангу "омег". Ни одна из кажущихся

Таблица 13

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ИДЕЯ "РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ"?

(в % от числа опрошенных; без затруднившихся ответить, июнь 2005 г., N=1600 человек)

1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.
2. Административный контроль за действия нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.
3. Ограничения в проживании нерусских в городах на территории России.
4. Выселение нерусских (кавказцев, китайцев и др.) с исконных русских территорий.
5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, Государственной Думе, Союзе Федерации, администрации президента, руководстве.
6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Вариант ответа	1	2	3	4	5	6
В среднем	47	31	31	21	25	37
1. Государственная поддержка...	100	28	26	24	24	47
2. Административный контроль...	43	100	43	28	32	36
3. Ограничение в проживании...	40	44	100	30	37	37
4. Выселение нерусских...	53	41	43	100	50	51
5. Запреты на работу в госаппарате...	45	39	44	42	100	46
6. Преимущества для русских...	59	30	31	29	32	100

Таблица 14

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ (в % от числа опрошенных; без затруднившихся ответить, июнь 2005 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	В среднем	Москва и С.-Петербург	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Россия не нуждается в мигрантах	43	36	44	36	39	52
Отношусь отрицательно к мигрантам	57	49	55	49	61	62
Не отношусь отрицательно к мигрантам	27	30	22	33	26	26

"рациональными" причин не набирает столько, сколько безосновательная латентная неприязнь, возрастающая от центров социальной жизни к ее периферии (табл. 14).

Никто из чужих не вызывает у россиян симпатии, доброжелательности или какой-то заинтересованности (число заявляющих, что они были бы рады приезжающим в Россию украинцам, молдаванам, кавказцам, китайцам и т.п., составляет: от 13% — к украинцам, 5% — к молдаванам и до 2% — ко всем остальным). Казалось бы, что к украинцам и белорусам должно быть другое отношение, поскольку абсолютное большинство русского населения уверены, что это не разные, а один народ, в силу исторических причин оказавшийся разделенным¹, но нет. Основу же массового отношения к приезжим составляют: а) равнодушно-безразличное, незаинтересованное отношение к близким по культуре и образу жизни украинцам и молдаванам; б) вы-

ражено негативное отношение к "кавказцам" и "азиатам" (табл. 15).

Отметим, что в селе, т.е. в среде замкнутой и косной в социальном и культурном планах, и в столицах, где, напротив, степень многообразия максимальна, отношение даже к украинцам и молдаванам становится более негативным, чем в больших и средних городах. Приезжие у местного населения не вызывают интереса (хотя бы меркантильного, поскольку их услуги, по сравнению с услугами местной рабочей силы, стоят гораздо дешевле, а качество работы — зачастую выше), скорее — страх и недоверие. Но сильнее всего негативизм проявляется в отношении выходцев с Кавказа, в первую очередь из республик Северного Кавказа, причем уровень неприязни растет пропорционально величине города (табл. 16).

Анализ распределения общей массы ксенофобии в зависимости от групповой принадлежности опрошенного, его социального или профессионального положения показывает, что центр тяжести ксенофобии лежит в группах, располагающих ограниченными ресурсами, зависимыми от других, не ориентированных на достижения или продвижение по службе. Однако носители ксенофобии — это не люмпены, не

¹ В том, что "Украина — это не за граница", еще совсем недавно, если судить по опросам 2004 г., были убеждены почти две трети россиян. См.: Дубин Б. Россия и соседи: Проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения... 2005. № 1 (75). С. 19–23, а также с. 38 данного номера.

Таблица 15

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ "ОТНОШУСЬ К ПРИЕЗЖИМ НЕЙТРАЛЬНО, БЕЗРАЗЛИЧНО" В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРБАНИЗАЦИОННОЙ ПЕРЕМЕННОЙ (в % от числа опрошенных, июль 2005 г., N=2107 человек)

Приезжие из...	В среднем	Москва и С.-Петербург	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Украины	50	42	54	64	50	38
Молдовы	50	46	54	63	48	42
Средней Азии	35	34	34	44	37	29
Китая	35	32	32	42	37	30
Закавказья	33	27	31	41	33	30
Республик Северного Кавказа	29	25	24	38	31	25

Таблица 16

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ "ПРИЕЗЖИЕ ВЫЗЫВАЮТ НЕДОВЕРИЕ И СТРАХ" В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕСПОНДЕНТОВ (в % от числа опрошенных)

Приезжие из...	В среднем	Москва и С.-Петербург	Большой город	Средний город	Малый город	Село
Республик Северного Кавказа	29	36	31	27	25	29
Закавказья	22	34	21	21	21	21
Средней Азии	20	23	16	19	19	24
Китая	18	18	15	16	19	22
Молдовы	6	9	4	7	6	6
Украины	4	6	3	4	3	6

маргиналы, а "обычные люди", средние по основным своим характеристикам (уровню образования, доходам, ценностным предпочтениям и политическим взглядам): прежде всего это квалифицированные рабочие и технические служащие без специального образования и квалификации, а также низкоквалифицированные рабочие. Некоторым отклонением на этом фоне выглядит группа опрошенных, включающая руководителей, директорат, топ-менеджеров: они обнаруживают максимум антипатии к китайцам, опережая в этом даже неквалифицированных рабочих (табл. 17 и 18).

Уровень негативизма, неприязненного отстранения тем выше, чем сильнее угроза приближения чужаков к тому, что считается для массового человека "своим", близким, дорогим — дом, семья и т.п. Здесь общее диффузное недоброжелательство резко возрастает пропорционально сокращению социальной дистанции "свои—чужие". Этнические барьеры превращаются в расовые.

Если можно еще говорить о некоторых групповых различиях, касающихся перспектив соседства с этническими чужими (более жесткими барьерами у низкообразованных опрошенных), то по по-

Таблица 17

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ПРИЕЗЖИЕ ВЫЗЫВАЮТ "НЕДОВЕРИЕ И СТРАХ" В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАТУСА РЕСПОНДЕНТОВ (в % от числа опрошенных)

Статусная группа	Украинцы	Молдаване	Приезжие из республик			Китайцы
			Северного Кавказа	Закавказья	Средней Азии	
В среднем	11	17	57	51	48	45
Руководители	4	13	49	44	28	70
Специалисты	9	14	58	49	47	40
Служащие	12	19	65	62	57	48
Квалифицированные рабочие	12	18	60	60	50	46
Неквалифицированные рабочие	25	28	61	56	53	54
Учащиеся, студенты	9	15	55	50	46	45
Пенсионеры	7	16	58	51	46	38
Домохозяйки	9	21	55	52	47	46

Таблица 18

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ ОПРОШЕННЫХ К СОСЕДСТВУ И К БРАКУ С ПРИЕЗЖИМИ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОПРОШЕННЫХ (в % от числа опрошенных)**

Отношение к приезжим	В среднем	Образование			
		высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего
Не хотели бы иметь соседями приезжих из...					
Украины	16	13	14	16	19
Молдовы	25	20	25	26	28
Республик Закавказья	53	48	56	57	48
Республик Средней Азии	53	47	54	55	53
Китая	56	54	55	56	56
Республик Северного Кавказа	59	58	58	63	55
Не хотели бы, чтобы их близкие родственники вступали в брак с приезжими из...					
Украины	30	29	29	31	29
Молдовы	44	43	43	44	45
Республик Закавказья	71	73	74	71	67
Республик Средней Азии	72	73	75	71	69
Китая	73	76	75	73	71
Республик Северного Кавказа	73	74	76	74	70

воду брака с приезжими всякие градации и ступенчатость отношений исчезает: здесь негативизм у респондентов из разных социальных категорий достигает максимума, а колебания между отдельными группами оказываются малозначимыми и составляют $\pm 5-8$ пп. в отношении к украинцам, 6-12 пп. — ко всем остальным. Сильнее всего неприятие чужих характерно для женщин, традиционно играющих консервативную роль хранителей традиций, а потому барьеры проявляются сильнее в тех статусно-профессиональных группах, где выше удельный вес пожилых женщин (среди служащих, пенсионеров, неквалифицированных рабочих, домохозяек).

В заключение можно сделать следующие выводы: возможности понижения уровня ксено-

фобии крайне невелики. В принципе они открываются либо с появлением у слабых и ущемленных групп общества (или самого общества) новых перспектив, либо новых средств самоуважения. Массовая ксенофобия этого рода не представляет собой непосредственной опасности для самих мигрантов (в смысле угрозы погромов и этнических беспорядков), поскольку она является реакцией пассивного и апатичного, астенического общества на внешние раздражители, но ее косвенное социальное воздействие на политику в России следует оценивать самым отрицательным образом, ибо массовая этническая неприязнь и подавленная агрессия ретранслируются в нацистский или расовый популизм политических партий и самих властей.

Авторы номера:

Головаха Евгений Иванович (Институт социологии НАН Украины)

Гудков Лев Дмитриевич (Аналитический Центр Юрия Левады)

Дубин Борис Владимирович (Аналитический Центр Юрия Левады)

Левада Юрий Александрович (Аналитический Центр Юрия Левады)

Панина Наталия Викторовна (Институт социологии НАН Украины)

Ручка Анатолий Александрович (Институт социологии НАН Украины)

Степаненко Виктор Петрович (Институт социологии НАН Украины)